

БЕРЕЗОВСКИЙ

БОЛОТНИК

ЗАПИСКИ ИЛИ АУТОПОРТРЕТ,
ПОВЕШЕННОГО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЮРИЯ ФЕЛЬШТИНСКОГО

Борис Березовский

**Автопортрет, или
Записки повешенного**

«Центрполиграф»

2013

Березовский Б.

Автопортрет, или Записки повешенного / Б. Березовский —
«Центрполиграф», 2013

«Автопортрет, или Записки повешенного» — размышления Бориса Березовского о себе и своих близких, друзьях и врагах, о России и мире, народе и элите, вере и свободе, русских и евреях. В сюжетах, представленных автором, читатель найдет живые образы ведущих российских политиков, в их числе Юрия Лужкова и Евгения Примакова, Анатолия Чубайса и Григория Явлинского. В книге подробно рассказано о предвыборной президентской кампании 1996 года, во время которой российские олигархи первой волны, во главе с Березовским, сплотились вокруг Ельцина для предотвращения вероятной победы Геннадия Зюганова; первой и второй чеченских войнах; столкновениях автора со спецслужбами России. Особое внимание Березовский уделяет истории зарождения в России большого бизнеса в начальный период приватизации, участником которой он был вместе с другими олигархами: Владимиром Гусинским, Романом Абрамовичем, Михаилом Ходорковским. Немало страниц в «Записках» уделено двум историческим персонажам — президентам России Борису Ельцину и Владимиру Путину. И все-таки это прежде всего книга о самом Березовском, неоднозначном и противоречивом, оптимисте и пессимисте, наивном и вероломном Игроке...

© Березовский Б., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Игра закончена. прочитайте эту книгу и забудьте	6
От редактора	7
Биография Бориса Березовского	10
Автопортрет, или записки повешенного	11
Я	11
Любовь	20
Еврейский вопрос	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис Березовский

Автопортрет, или Записки

повешенного: биография

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Изложенные в настоящей книге суждения выражают исключительно личное мнение автора, не совпадают с официальной позицией ЗАО «Центрполиграф» и не могут рассматриваться в качестве официальной позиции Издательства.

В книге использованы фотографии Ю.Г. Фельштинского

Игра закончена. прочитайте эту книгу и забудьте

Когда государство не может выполнять свои обязательства, особенно материальные, немедленно появляются сильные люди, которые готовы «решать вопросы». Так и появился Березовский. Образно говоря, в 90-е годы в России в каждом городе, в каждой области, в каждой отрасли был свой Березовский. Но эта книга не о всех Березовских, а только об одном из них – настоящем, «кремлевском».

Я не был другом Бориса Абрамовича, не был его деловым партнером. Но я встречался с ним много-много раз. У меня с Борисом были глубокие беседы. Как мне кажется, я понял этого человека. Он был игрок покруче героя Достоевского. Он играл со всеми: властями и женщинами, сотрудниками и соратниками, иностранцами и русскими, простыми и великими, богатыми и не особенно. Он буквально ходил по проволоке над пропастью, когда встречался в Чечне с настоящими бандитами, рубился с мэром самого крупного города Восточной Европы, сцепился с одним из своих самых близких, знавшим о нем все. Он сто раз мог погибнуть от пули или взрыва, мог разбиться на машине или снегоходе по своей неосторожности, получить инфаркт от обильного алкоголя и молодых женщин, но судьба его хранила. Он играл с судьбой, а она его хранила. Он уверовал, что свыше ему что-то дано.

Нет, он ушел от нас не после взрыва или автокатастрофы. Он ушел, проиграв битву с Системой. Он ушел, потому что сам вообразил себя Системой, вообразил себя государством. А он был просто материалом, смазкой, маслом в машине. Это государство стояло до него пятьсот лет и, слава богу, после него не меньше простоит. В конце своей игры он искренне изумился, что англичане, выбирая между ним и российским государством, выбрали российское государство. Неужели он надеялся на иное? Лондонский мечтатель...

Эту книгу полезно почитать тем, кто интересуется политикой и жизнью страны, а также любителям острых сюжетов. Письменные упражнения Березовского приоткрывают кое-что из его внутреннего мира. Содержание я не комментирую. Давайте будем помнить, что Борис Абрамович не писатель и не аналитик, а игрок. Истина для него – понятие договорное.

Я уверен, что физически Борис Березовский жив. Возможно, он держит в руках эту книгу. Английские спецслужбы закрыли его по программе защиты свидетелей по делу Литвиненко. Сделали это вяло и скучно, как положено бюрократам. Ни одной пресс-конференции, ни одной фотографии умершего (это в наше-то время!), похороны в закрытом гробу. Только сухие сообщения на сайтах и обильные и подчас глупые слухи. Никто из тех, кто близко знал Б.Б., не верит в самоубийство. В убийство поверить легче, но где тело, где фото, где видео? Где это видано, чтобы церемонию похорон без значимых причин провели много дней спустя...

Впрочем, даже если ходит сейчас по тихому английскому городку лысый как колено гражданин в темных очках по фамилии Шнеерсон, это дела не меняет. Политика и бизнесмена Березовского больше нет. Он не делает публичных заявлений, не наносит публичных ударов, не плетет публичных интриг. Игра закончена. Забудьте.

А.В. Митрофанов

От редактора

Я понимал, что путь, который избрал президент, для меня означает следующее: либо я буду последним в ряду повешенных, но буду обязательно повешен, либо я буду первым в ряду повешенных, но с высокой вероятностью неповешенным быть вообще, потому что удастся переломить ситуацию. Я выбрал второй путь и могу сказать, что сегодня точно не сожалею об этом, хотя это очень сложный путь.
Б. Березовский

С тех пор как Борис Абрамович Березовский поселился в Лондоне на правах политэмигранта, шагреневая кожа его жизни с каждым годом сжималась всё больше и больше. С момента, когда его кремлевские друзья и союзники стали сначала бывшими друзьями, а затем и заклятыми врагами, дни Березовского были сочтены, и не так уж важно, в конце концов, отчего именно он умер: от самоудушения или в результате убийства. И в том и в другом случае это была насильственная смерть.

Я познакомился с Березовским в 1998 году, когда прилетел в Москву писать его биографию. С тех пор я написал и опубликовал много книг, в том числе и о современной России. Но биография Березовского написана мною не была. Вечно бегущего, вечно спешащего, вечно летящего Березовского не так легко было заставить позировать для книги. Больше всего поэтому я любил оказываться в его самолете: в замкнутом пространстве, один на один. Телефоны отключены. Двери закрыты. Деться ему от меня некуда. Приходится рассказывать.

Очень скоро стало ясно, что при жизни Березовского биография его мной написана быть не может, потому что я стал человеком, которому Березовский в плане личном абсолютно доверял. Волей-неволей я оказывался посвященным в вопросы, о которых при жизни героя не напишешь. А тему смерти мы не обсуждали – не касались этого никогда, – хотя часто обсуждали вопросы безопасности и покушений – прошлых и возможных будущих.

Березовский был очень разным: очаровательным и неприятным; грубым и нежным; расчетливым и скупым; счастливым и недовольным. Я пытался как-то систематизировать для себя поведение этого сложного неоднозначного человека и ввел шкалу, которая мне показалась самой точной: я понял, что измерять Березовского нужно в количестве удовольствия, которое он получает от того или иного действия. Введя единицу измерения «один кайф», я наконец-то хоть что-то стал понимать в Борисе Абрамовиче. Например: выпить бутылку дорогого вина в хорошем ресторане – 1 кайф. Дать интервью иностранному телеканалу – 10 кайфов. Переспать с молоденькой девушкой – 50 кайфов. Пожертвовать три миллиона в фонд Сахарова – 30 кайфов. Образовать политическую партию «Либеральная Россия» – 40 кайфов. Поставить президента России – 200 кайфов. Снять президента России – ну, до этого дело так и не дошло, так что это число осталось неизвестным, но понятно, что оно тянуло бы на 1000 кайфов.

Больше всего Березовский любил побеждать. В предполагаемую победу он верил абсолютно. Сказать, что он был оптимистом, – не сказать ничего. Он слепо и тупо верил в победу, не допуская мысли о возможном поражении. Всегда. И тогда, когда это было очевидно. И тогда, когда затеянный проект был обречен, не имел даже ничтожного теоретического шанса на успех.

Для Березовского никогда не существовало морали (наверное, это главное, что мне мешало). Просто понятия не было такого в его организме. По той же причине его всегда окружало большое количество проходимцев, в которых он нуждался, так как они умело обслуживали его с точки зрения получения им столь необходимого ему кайфа. Без дозы кайфа он действительно не мог существовать, ему сразу становилось скучно. Скуки же он не терпел. Мне часто казалось, что ему было скучно даже спать, и поэтому он спал мало, думаю, что часа

четыре в сутки, не больше, причем сутки не состояли у него из дня и ночи, как у большинства людей. Ночью Березовский функционировал так же, как и днем. Имея свой самолет, он часто вылетал куда-нибудь среди ночи. Я, сонный, тащился в аэропорт и думал: ну, почему, имея свой самолет, нельзя вылететь в нормальное время суток? Ну какой в этом смысл? Зачем будоражить среди ночи абсолютно всех? Вопросы эти были для меня риторическими, потому что я знал ответ: вылететь на своем самолете – 15 кайфов. Но вылететь среди ночи, когда это всем неудобно, и прилететь на место в пять утра, чтобы принимающая сторона тоже не спала ночь, – уже 18 кайфов. А 3 кайфа просто так на дороге не валяются.

После 2004 года, когда Владимир Путин стал президентом России на второй срок, с кайфом стало плохо. Борис Абрамович практически прекратил всю политическую деятельность в отношении России. Нужно было найти новую площадку для деятельности. На короткое время промелькнула надежда в отношении Украины. Но украинские политики, с готовностью бравшие миллионы Березовского во время предвыборной борьбы и в конце концов победившие, в том числе и благодаря деньгам Березовского, которые точно уж не были в их бюджетах лишними, отказались впустить Березовского в Украину, справедливо опасаясь, что это – как козу пустить в огород. Тогда у Бориса возникла новая идея: сделать своего друга и партнера Бадри Патаркацишвили президентом Грузии. «А ты уверен, что Бадри этого хочет?» – спросил я, когда Борис озвучил мне эту мудрую мысль (проект тянул, думаю, на сотню кайфов). «А куда он денется, – ответил Борис. – Будет президентом». Президентом Бадри не стал. Кайф не удался.

В ноябре 2006 года в Лондоне был убит Александр Литвиненко. Березовский воспринял это как предупреждение. На самом деле это была первая страница эпилога. Вскоре последовала вторая: 12 февраля 2008 года в Лондоне в своем поместье скоропостижно скончался Бадри. Ему было 52 года. Я видел его за четыре дня до смерти. Он был бодр и здоров. После смерти Бадри выяснилось, что на него записаны все активы Бориса и что последний остался без денег. Не в переносном смысле, а в буквальном: Инна Патаркацишвили, вдова Бадри, отказалась признать Березовского партнером. Березовский подал в лондонский суд. Это был второй финансовый иск Березовского. Первый – на пять миллиардов долларов – он предъявил бывшему своему партнеру по Сибнефти Роману Абрамовичу.

Кайфа уже не было. Вера в победу осталась. Насколько нужно было оторваться от реальности, чтобы считать, что лондонский королевский суд постановит присудить одной из сторон миллиарды! Но Борис верил в свою счастливую звезду, верил до самой последней минуты, пока не проиграл. Это было в прошлом 2012 году. Вскоре Березовский подписал мировое соглашение с Инной Патаркацишвили, по которому должен был получить некую немалую сумму денег, но главное – теперь уже вместе с Инной он подал иск против магната-миллиардера Василия Анисимова, должника Бадри, и за несколько дней до смерти сумел договориться о выплате Анисимовым 800 миллионов долларов, которые, видимо, подержать в руках Березовскому уже не пришлось.

Трудно найти в России человека более непопулярного, чем Березовский. Объективности ради следует отметить, что причиной этого является не то, что Березовский самый нечестный бизнесмен из всех существующих или самый лживый политик из тех, что пробились к вершине власти. Березовский сам методично и последовательно отстраивал свой «имидж» серого кардинала, циничного кукловода, бессовестного интригана. И это единственное, что Березовский делал методично и последовательно. Он искренне считал, что костюм дьявола на российском политическом маскараде ему к лицу и дает хороший шанс на выигрыш первой премии.

Абсолютно не разбираясь в людях, он одерживал победы лишь до тех пор, пока вектор его движения совпадал с вектором политической деятельности Кремля, а окружавшие Березовского лишленные, как и он сам, морали подчиненные выполняли его указания за неплохие деньги. Но как только Борис ушел в оппозицию, где вектор он определял сам, причем

идти нужно было против власти, Березовский оказался в почти полном одиночестве, поскольку окружавшие его люди, за редким исключением, привыкли быть ему верны лишь за очень большие деньги, а эти деньги у Бориса вскоре закончились, точнее: эти траты перестали приносить Березовскому кайф, ведь Борис Абрамович всегда рассчитывал на блицкриг и многолетние осады крепостей были не для него.

В последние годы мы виделись редко, хотя отношения наши оставались теплыми. Смерть его не стала для меня неожиданностью. Человека, отстроившего систему удовольствий через деньги, на безденежье можно было брать голыми руками. Когда-нибудь мы узнаем, чьи именно это были руки.

Юрий Фельштинский
Вечер 23 марта 2013
г. Бостон

Биография Бориса Березовского

Борис Абрамович Березовский родился в 1946 году в Москве. В 1962 году окончил школу и поступил в Московский лесотехнический институт на факультет вычислительной техники. После его окончания в 1967 году поступил в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова на механико-математический факультет. Работал в Институте проблем управления АН СССР (теперь Российская академия наук).

В 27 лет защитил кандидатскую диссертацию, в 37 лет – докторскую по техническим наукам. В 1991 году был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению информатики, вычислительной техники и автоматизации.

Березовский – автор более ста научных статей и двух монографий в области теории оптимизации. Многие его труды были опубликованы в ведущих научных изданиях в США, Германии, Франции, Японии и ряде других стран. Березовский был членом нескольких международных научных обществ.

В 1989 году после появления в России законодательной базы для частного предпринимательства под руководством Березовского было создано акционерное общество «ЛогоВАЗ».

Березовский был основателем и председателем попечительского совета независимого благотворительного фонда «Триумф – ЛогоВАЗ», учредившего в 1991 году ежегодную премию «Триумф» за высшие достижения в российской культуре.

В начале 1996 года он инициировал консолидацию новой финансово-промышленной элиты России в поддержку переизбрания Б. Ельцина на пост президента России. Это начинание сыграло важную роль в сохранении российского курса реформ.

В октябре 1996 года президент Ельцин назначил Березовского заместителем секретаря Совета безопасности России, где в течение года он эффективно занимался одной из самых сложных проблем современной России – восстановлением мира в Чеченской республике.

В апреле 1998 года президентами стран СНГ Березовский был избран исполнительным секретарем Содружества Независимых Государств. Он занимал эту должность до марта 1999 года.

Березовский принимал активное участие в организации президентской кампании 1999–2000 годов, в результате которой президентом России был избран В. Путин. Сам Березовский был избран депутатом Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от Карачаево-Черкесского избирательного округа.

В знак несогласия с отступлением нового президента России от курса реформ Бориса Ельцина осенью 2000 года Березовский сложил с себя депутатские полномочия и объявил об уходе в оппозицию.

В 2000 году он учредил «Фонд гражданских свобод».

В 2001 году по инициативе Сергея Юшенкова, Владимира Головлева и Бориса Березовского была образована партия «Либеральная Россия». В 2002 году Березовский опубликовал «Манифест российского либерализма», который лег в основу программы партии. В 2002 году Березовский был избран лидером партии «Либеральная Россия».

Владимир Головлев был убит в августе 2002 года.

Сергей Юшенков был убит в апреле 2003 года.

Постоянное давление силовых структур и правоохранительных органов, административное вмешательство в его деятельность, аресты и высылки коллег и друзей вынудили Березовского уехать из России. Он эмигрировал в Великобританию, где получил политическое убежище. 23 марта 2013 года он был найден мертвым в Лондоне, в доме своей второй жены, с которой был разведен, но где проживал после продажи своего собственного особняка под Лондоном.

Автопортрет, или записки повешенного

Я

Я генетический оптимист. Я всю свою жизнь каждый день прожил так, как хотел. И всегда был дуализм. С одной стороны, я каждый день живу как последний. А с другой стороны, я каждый день живу так, как первый. И всю жизнь получаю от жизни удовольствие. Всю свою жизнь. И мне добавить к этому больше нечего. Я ощущаю себя ровно так. Я счастлив постоянно. Это болезнь, это диагноз. Я счастлив, я постоянно счастлив. Честное слово.

У меня была мечта, которая практически полностью реализована. Я хотел сохранить себя как независимого, самостоятельного и свободного человека. Причем «свободный человек» отнюдь не означает «вольный». В моей системе определений свобода определяется системой внутренних ограничений. Грубо говоря, это Десять заповедей. Свободный человек – это человек, который не нарушает эти десять ограничений, а в их рамках делает все что угодно. Десять заповедей сформулированы так, чтобы каждый мог реализовывать себя в максимальной степени, не мешая при этом другим. Я этого состояния добился и в этом смысле живу в полной гармонии с самим собой.

Я родился достаточно давно. Я почти атавизм, я видел еще Сталина на трибуне в 1952 году, и, конечно, это наложило свой отпечаток даже на разговоры близких. В моем детстве главные слова были «свобода», «равенство», «братство» и дальше некоторые вариации... Мама рассказывала, что, когда я в пять лет тяжело болел (у меня была дифтерия), от высокой температуры я бредил и в бреду звал на помощь Сталина. Вот с чем мы жили в то время.

Биографии отца и матери очень простые. Я бы сказал, страшно простые. Типичная советская судьбушка, очень средний, реально средний, уровень советской интеллигенции. Я бы мог сказать советско-еврейской, но нет, потому что в доме не было ничего национального, не было никаких особенностей.

Отец родился до революции, мать моложе его на 13 лет. Отец родом из Сибири, из Томска. Мать родом из Самары, оба переехали когда-то в Москву, встретились и поженились в 43-м году. По профессии отец инженер, строил комбинаты по производству стройматериалов, в Самаре одно время был главным инженером, потом перешел на работу в институт, разрабатывавший проекты предприятий керамических изделий. За возведение такого завода в Узбекистане отец получил даже премию Совета министров СССР. Умер он в 1979 году. Мама после школы пошла работать медсестрой, а потом много лет работала лаборантом в Институте педиатрии Академии наук. По-моему, лет тридцать там работала. Мы с мамой практически не расстаемся с того момента, как умер отец.

Папа был очень своеобразный человек. Он очень любил мою мать и всю свою жизнь посвящал только тому, чтобы обеспечивать семью. Была масса вопросов, которые задавали и покойный отец, и мама. Вопросы были совершенно естественными, но была глубокая убежденность в том, что все, делающееся от имени государства и государственными людьми, является абсолютно истинным.

Если идти вглубь, то отец моего отца, мой дед, был томским купцом, но любопытно, что позже он стал даже членом КПСС. Мать моя была также из состоятельной семьи польско-итальянско-украинских кровей. Дед был сторонником, причем очень твердым сторонником, революции. Вместе с двумя братьями он прожил весьма эмоциональную, но последовательную жизнь. Дед по материнской линии был первым комсомольцем Самары, а за свои убеждения преследовался при царском режиме. Сохранились его фотографии в каких-то там бурках, с патронташем. Он долго жил на Севере, потом переехал в Москву, где за счет квартирораз-

верстки получил жилье и сумел трижды жениться (вот и я пошел по его стопам). Как-то раз он пришел домой очень радостным и объявил, что создал кружок молодежи последователей Гайдара. Одна из целей кружка состояла в предотвращении эмиграции евреев из Советского Союза. Поэтому-то, наверное, я и не эмигрировал из России.

Моя мать – удивительный человек. У нее генетический дефект – нет чувства зависти вообще. Она не завидует никому вообще, и поэтому она не хочет ни с кем конкурировать, ничего она не хочет, но радуется жизни всегда, она абсолютно счастлива. Может, потому, что в жизни она не переживала такого чувства – себя сравнить с кем-то. Это дефект, потому что с этим очень сложно выживать. Это снимает какую-либо защиту. То есть человек не готов ради своих амбиций, ради проявлений своего эго бороться за что-либо. Но ей в общем-то повезло: сначала ее оберегал мой отец, потом я. «Дефект» – я сказал не в отрицательном смысле, а в смысле отсутствия – по сравнению с большинством людей. Ведь большинство людей, конечно, завидуют, конечно, пытаются это компенсировать чем-то...

Я всё детство дрался. Мне повезло, никогда не было, чтобы меня окружили, например, и избили ногами. А драться – часто дрался. Было такое, что и ножами меня доставали. Я же рос сразу после войны и много жил за городом – в Загорске, в Истре. В Москве жил на Чкаловской, Ульяновской. Это Садовое кольцо. В самом центре. И дрались там, конечно, нещадно. В казаки-разбойники еще играли. В снегу однажды три часа просидел, прятался там.

Я получил классическое советское образование. Учился сначала за городом, где работал отец. Он работал в Новом Иерусалиме на кирпичном заводе главным инженером, а мы жили в Истре. А до этого мы жили в Загорске. Кстати, когда мы с родителями попали в автомобильную аварию, как сейчас помню, это было на Троицу, в День защиты детей, – всей семьей мы угодили в больницу, – первым, кто к нам приехал, был батюшка из Загорска, потому что отец поставлял стройматериалы для строительства церкви. У меня не было специальных учителей, я начал в стандартной сельской школе. Потом в Москве я опять пошел в обычную школу. В шестом классе я перешел в английскую спецшколу – она только-только открылась. Я сам туда пошел, записался и заканчивал уже английскую школу.

Родители меня самого держали в ежовых рукавицах. Я считаю, что каждый человек уникален, что насилие над детьми недопустимо. На детей не нужно оказывать давление, хотя иногда без этого просто не обойтись, и после того, как способности детей станут очевидными, их следует развивать. Меня в детстве родители буквально насильовали, заставляя играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Жили мы в коммуналке, куда не то что рояль, пианино не входило. В итоге мне купили баян, и я шесть лет играл на нем. Баянистом не стал, но чувствовать музыку научился. Это самое главное! Обожаю мюзиклы, хотя партии для баяна там не встречал. А вот живописи меня не учили.

Впервые реальную и конкретную нехватку времени я ощутил в 16 лет. То есть с той поры, когда уже стремился стать самостоятельным человеком. И спал я всегда мало – три, четыре, пять часов. В юношеское время, лет в пятнадцать–шестнадцать, когда пытался понять основные моральные принципы, я после критики сразу вставал в стойку. Но после прочтения какой-то книжки усвоил идею, которую пытаюсь в себе сейчас культивировать. Моя нынешняя реакция на критику – вопрос к себе: в чем я виноват, что сделал неправильно?

Я слушал «Голоса...» иногда с ненавистью, потому что отец слушал их до поздней ночи (ночью глушили меньше, чем вечером), а я ложился спать (люблю вставать рано), и это меня дико раздражало. Вначале, когда я еще не был женат, мы жили в полуподвале, в коммунальной квартире, вдвоем, в общей комнате 11,5 квадратного метра. Потом отец получил квартиру, и мы переехали. Но мой ритм жизни не совпадал с его. На самом деле все это несколько не умаляло моего интереса к тому, что слушал отец, и он, конечно, делился со мной. Скорее на эмоциональном уровне, чем на содержательном. Но ведь эмоциональный уровень родителей является доминирующим в определении реакции ребенка. Для меня эмоциональным фоном

был его постоянный, непрекращающийся интерес к тому, что происходит в политике, в мире, в России. А прежде всего как Россия воспринимается с точки зрения объективных или, лучше скажем, независимых свидетелей. Не то, что пишет советская пропаганда, а то, как думают люди, которые или уехали из России, или изучают и оценивают то, что происходит в России.

Я пытался сам, без протекции, поступить в университет. Не поступил. Поступил в лесотехнический институт, тоже невесть какой элитарный. Но там Сергеем Павловичем Королевым был открыт факультет вычислительной техники. Окончил этот институт, но осталось что-то неприятное от того, что не поступил в свое время в университет. И вот после окончания института поступил в университет, на мехмат. Потом аспирантура, семья, дети, масса всяких проблем. Работа в Институте проблем управления АН СССР. Феноменальная среда, академическая, в которой я провел двадцать с лишним лет, которая дала мне уникальное представление о мире.

Я человек самодостаточный. Я никогда не скрывал, что всю свою жизнь от жизни здесь, на земле, я получаю удовольствие. Абсолютно не было никакой проблемы «двойной жизни», поскольку для меня сознательная жизнь наступила уже в начале шестидесятых. Я жил другой жизнью. Мой главный интерес был в другом – в науке. Главное любимое занятие для меня в то время была прикладная математика, конкретная область этой науки – теория оптимизации, и я этим жил. В науке была воля, там была максимальная степень свободы, возможность оставаться свободным. Начиная с совершенно утилитарных вещей: можно было приходить не по звонку и уходить не по звонку. С одной стороны, мне было чрезвычайно интересно то, чем я занимался, потому что это было творчество, а с другой стороны, я не был обязан отчитываться за каждый прожитый день, за результаты труда каждого прожитого дня, когда нужно выточить определенное количество болванок. И вот я так оболванен не был. Никем, кроме как самим собой, никогда себя в жизни не ощущал. Не было никогда стремления «делать жизнь» с кем-то, как говорил классик.

Отца к тому времени уже не было; отец так и умер на работе. А мать, ну она... она уже в то время не пыталась меня воспитывать, она пыталась меня понимать. Она считала, причем вполне заслуженно, что свои впечатления о жизни она мне уже передала. Она пыталась скорее понять меня, чем научить. Но при этом имела свою точку зрения на то, что со мной происходило. Она никогда не отговаривала меня. Она очень тяжело переживала смерть отца, это длилось не один год, не два года, а по меньшей мере лет десять и больше... А потом, она ведь не пыталась относиться критически к тому, что я делаю. Как и свойственно матери, она пыталась в любом случае поддержать меня, без всяких собственных оценок, хорошо это или плохо. Я думаю, что она, как и большинство советских людей, абсолютно не понимала, что происходило в то время. Ей нравилось, что я счастлив, а это больше чем достаточно для любой матери. Поэтому никакого критического анализа того, что со мной происходило, у нее не было. Моя мама, конечно, волнуется за то, что происходит со мной. Но она доверяет моим ощущениям. И она знает, что я могу ей сказать даже самые сложные и неприятные вещи.

Я общественное животное. Я активный человек. Мне очень хотелось стать и пионером, и комсомольцем. Хотя при вступлении в комсомол у меня возникли некоторые сложности, правда, чисто случайного и технического характера. Однажды мы играли в классе в футбол и разбили портрет Дзержинского, и под этим предлогом меня не хотели принимать в комсомол. Говорили, что это был антисоветский поступок, чуть ли не сознательный. Но я хотел и вступил в комсомол. Комсомольцем я был самым активным, одно время председательствовал в Совете молодых ученых Института проблем управления, потом в этом же статусе на территории района, а потом и во всей Москве.

Я всегда ощущал себя частью народа страны, в которой я жил. Я – образец классического советского карьериста. Я получал удовольствие и при советской власти. Поступил на работу в самый престижный в этой области институт, в 1978 году стал и членом партии. Причем тоже

абсолютно сознательно, но не из-за идеологических соображений, а из-за того, что я в то время был очень честолюбив и стремился сделать карьеру. И я хотел убрать все преграды на пути, чтобы мне не мешали заниматься тем, чем я хочу, не мешали общаться с тем, с кем я хочу. Я думаю, что это была интуитивная компенсация отсутствия необходимого таланта в научной области.

Никогда в советское время я не был диссидентом. Я был нормальным советским ученым, мне было классно, комфортно. Я не согласен был с этой компартией, хотя был членом компартии. Немного она меня раздражала. Из партии не выходил, в отличие от некоторых, билет свой никогда не рвал, не сжигал. Так он и лежит у меня в сейфе в институте, где я до сих пор на общественных началах веду лабораторией. Я был нормальный советский лицемер. Внутренне, по крайней мере. И я не случайно решил креститься не в советское время, хотя тоже у меня были ощущения... Я точно не диссидент. Я борец за светлое настоящее и получаю удовольствие от каждого прожитого дня. А если день прожит без удовольствия, значит, он неправильно прожит. И мне мучительно больно за неправильно прожитые дни и годы.

Делал я всю свою карьеру по ступенечкам: лаборант, инженер, младший научный сотрудник, кандидатская, докторская, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Все, чем я занимался, мне было абсолютно интересно: и наука, которой я посвятил двадцать лет, и бизнес, и государственная служба. Когда у меня появилась семья, двое детей, я учился в аспирантуре, моя жена не работала, и мы жили на стипендию сто рублей в месяц. Мы жили очень и очень бедно. Подрабатывал, конечно. Может быть, все это и оказалось той базой подготовки к рыночной конкуренции. Мне нетрудно жить в этой экономике, нетрудно отвечать за самого себя.

В 27 лет я защитил кандидатскую диссертацию, в 37 лет стал доктором технических наук. Проработал двадцать с лишним лет в уникальном Институте проблем управления. Этот институт Академии наук был лидером в области теории построения систем автоматизированного проектирования. Занимался я в то время модной и очень интересной научной областью – теорией принятия решений, теорией оптимизации и разработкой систем компьютер-дизайн (автоматизированная система проектирования). В 1991 году, мне было 45 лет, был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, что, в общем, удавалось немногим. Это было серьезное достижение. Я был одним из самых молодых членов Академии наук. С точки зрения престижа оставался всего лишь шаг до вершины – избрания академиком. Но тем не менее я все-таки думаю, что у меня не было таланта, который позволил бы мне получать абсолютное удовлетворение от творчества в этой области.

Мы жили лучше многих. К 42 годам я имел автомобиль «Жигули» пополам с приятелем. Нам с Лёней Богуславским он достался от его отчима поэта Андрея Вознесенского, который купил себе новый. Мы его отремонтировали, неделю ездил Лёня, неделю я. При этом я испытывал колоссальное счастье. Я, как и другие, покупал в рассрочку люстру через кассу взаимопомощи за триста рублей, в кредит, потом полгода возвращал деньги. Год копил на цветной телевизор – нормальная ситуация. Я вынужден был кормить семью. Но я работал с 16 лет, я ни на кого не рассчитывал. Только на себя. Я занимался любимой наукой, общался с блестящими людьми. Желание было одно – получать от жизни удовлетворение, радость. Но у меня возникают желания делать что-то самому только тогда, когда я уверен: никто другой не сделает так хорошо, как я. Я очень не люблю делать то, что другие делают лучше меня. Именно поэтому я бросил заниматься наукой – я понимал, что не буду первым, потому что есть люди, которые талантливее меня в математике. И когда я стал заниматься бизнесом, мне стало комфортнее. Потому что я понимал: то, что делаю я, очень мало людей могут делать так же.

Мне нравилась жизнь ученого в Советском Союзе. Нерегламентированный рабочий день. Не нужно было к восьми часам, продираясь через толпу, лезть в метро. Я мог поспать, но зато мог и посидеть до четырех утра и подумать над проблемами, которые были интересны. Я

вел жизнь советского художника. Это не жизнь советского рабочего – от звонка до звонка у станка. А с рассвета до заката наедине с собой, со своими мыслями и с компанией, которую ты выбираешь. У нас в Институте проблем управления был клуб. Мы разговаривали, обсуждали, ходили по длинным коридорам, а потом я приходил домой на кухню, все ложились спать, я спокойно занимался научной работой.

Да, жизнь в Советском Союзе – это целый период, ровный, яркий, счастливый. Я был абсолютно счастлив в Советском Союзе. А потом эта жизнь закончилась, в 1989 году, когда в институте перестали платить зарплату, и я почувствовал, как повисла в воздухе какая-то неопределенность, угроза, и жить стало неуютно. Я – человек чувствительный к внешним изменениям. Эту угрозу, эти подземные гулы я почувствовал раньше других. Хотя внешне всё оставалось спокойным: жена, двое детей, квартира, машина наполовину с приятелем, докторская зарплата. Однако я почувствовал, что прежняя жизнь завершается, и попытался предугадать новую, еще неясную жизнь, перемены, грядущие в огромной стране. Я принял абсолютно нетривиальное решение: больше не заниматься наукой, а начать заниматься бизнесом, который в то время назывался «спекуляцией».

Это было непросто, потому что страна не воспринимала такие категории, как «хозяин», «большие деньги», «быстрый, бешеный заработок». Все это раздражало общество, даже близких товарищей. Я закрыл дверь лаборатории, которую сам создал (для института проектирования это не обычная история, обычно лаборатория достается в наследство, когда старенький профессор отойдет от дел), ушел из тихого, спокойного академического института, полностью стал самостоятельным. Никакой зарплаты, никакой социальной помощи. Не жди ниоткуда помощи и защиты. Но тем не менее наступила совсем другая реальность. Я взял полностью ответственность за свою жизнь, уже не уповаю на государство. Хотя, конечно, подсознательно рассчитывал, что в трудные минуты оно придет на помощь. Конечно, раньше государство бесплатно учило, лечило, давало жилье. Это потом я стал понимать, что за это расплачивался налогами, неполной зарплатой, ограничением индивидуальных возможностей, обеспечивающим «социальную справедливость». Для меня началась совершенно другая жизнь, с риском, ответственностью и свободой. И мне такая жизнь очень нравилась.

До этого я был не последним человеком в науке. Член-корреспондент Российской академии наук, в которой на весь Советский Союз было 800 человек, 500 академиков и 300 членов-корреспондентов. Это результат, к которому стремился любой честолюбивый ученый. Я рассчитывал в дальнейшем стать академиком, лауреатом Нобелевской премии, хотя понимал, что я не лучший среди своих коллег, что есть люди, превосходящие меня в науке. А когда я пришел в бизнес, я почувствовал, что то, что я делаю в бизнесе, под силу очень немногим людям. В бизнесе из моего окружения на это не был способен никто. Это потом появились какие-то новые имена, которых я прежде не знал: Миша Ходорковский, Володя Потанин, Володя Виноградов. Их совсем было мало, этих людей, которых потом называли олигархами.

Ощувив свою уникальность, я почувствовал себя комфортно, потому что, повторяю, категорически не люблю делать в жизни то, что другой умеет лучше меня. Просто отхожу в сторону. Спрашиваю: зачем я толкнусь в этом месте, если есть другой, который делает лучше? Когда я стал заниматься политикой, то почувствовал себя совсем комфортно, ибо я действительно во многих проектах не видел себе равных. Никого, кто мог бы подобное придумать и реализовать. И конечно, это было комфортное ощущение: я нахожусь в том месте, которое никто другой не может занять. Но это уже третий этап моей жизни. Переход от бизнеса к политике.

Когда я занимался математикой, которая требовала концентрации всех моих сил, то не мог себе позволить выпить бокал сухого вина в течение недели, если только в воскресенье, потому что когда я выпивал бокал сухого вина, то понимал, что я хуже, менее тонко понимаю проблемы, которыми я занимаюсь, чувствовал, что проигрываю в конкуренции с моими

товарищами, не могу так концентрироваться, так соображать, как они. В то же время у меня были друзья, которые работали вместе со мной и которые могли одновременно выпить бутылку водки и соображали не хуже меня. В бизнесе я себя чувствовал совершенно комфортно, даже если выпивал бутылку водки. Но тем не менее я понимал, что здесь есть конкуренция. А занимаясь политикой, я могу выпивать по бутылке в день и не чувствовать особой конкуренции в идеях и творчестве. Даже если я выпью литр водки, то все равно то, как я буду понимать, будет сильно превосходить то, как это понимают другие, по крайней мере относительно тех решений, которые приходили в голову мне. Я не думаю, что сильно заблуждаюсь в своей оценке.

Я и сегодня могу немало выпить, несмотря на гепатит, а раньше вообще никому не уступал. Я никогда не относился к этому как к необходимости. Для меня это удовольствие. К тому же в России так вообще проще разговаривать. И со мной проще разговаривать, когда я выпью. И мне проще разговаривать. Сейчас пью меньше. Но бутылку в день выпиваю. Если надо, могу выпить свою чашу до дна, будь то коньяк «Наири» или полдюжины бутылок белого вина, которое я стал пить уже в Лондоне.

Материться не просто умею, а люблю. Думаю, что понимаю даже в этом как бы толк. Я считаю, что русский мат абсолютно уникален по той причине, что он максимально психологичен, органичен. То есть это самовыражение очень естественное и очень мощное. Поэтому я вообще все эти глупости типа ввести ограничения, чтобы дети не слышали «Е... твою мать!»... Пусть слышат, нормально. Ничего страшного.

Может, я заблуждаюсь, но у меня никогда не было ощущения, что меня несет поток. Наоборот, у меня ощущение, что я всегда принадлежу сам себе. В жизни мне повезло с наставниками. У меня было трое учителей (я имею в виду Учителей с большой буквы). Каждый научил своему. Жизни в широком смысле научил меня Вадим Александрович Трапезников. Был такой выдающийся советский ученый, академик. Именно жизни, а не науке, несмотря на то что он был директором института, в котором я работал. Вадим Александрович был одним из последних аристократов по духу и по воспитанию, человек совершенно ушедшей породы. Такой атавизм советской системы, одновременно прижившийся в советской системе, сделавший блестящую карьеру. Андрей Битов писал, чем аристократ отличается от интеллигента: у аристократа экономическая мотивация не является доминирующей. Поэтому и требуются или какие-то особые гены, или несколько поколений жизни в достатке, чтобы быть аристократом. Все фундаментальные, серьезные, прежде всего моральные, определяющие личность человека качества были у него оттуда, из прежнего времени.

Я пришел в институт, практически его не зная, в 1976 году, младшим научным сотрудником, когда он уже был директором института. Последние десять лет его жизни мы были очень близки, несмотря на огромную разницу в возрасте. Я абсолютно искренне говорю, что не родители сформировали меня. Может быть, родители сформировали важнейшие, самые главные черты менталитета...

Второй мой учитель – Борис Давыдович Ланде. Он дал импульс: не быть в стаде, не быть щепкой, на все пытаться смотреть как в первый раз, научил терпению. Он научил меня тому, чему вообще невозможно научить, – он научил меня творчеству. Ведь вообще непонятно, как учить творчеству. Но ему это удалось. Я был уже в достаточно зрелом возрасте. Творчество – это такое состояние, в которое ты погружаешься, когда на все, что тебя окружает, смотришь глазами ребенка и одновременно со всем знанием, которое ты уже имеешь. То есть смотришь так, будто в первый раз увидел, а анализировать можешь так, будто уже все прочитал. Это очень серьезная штука. С Ланде мы очень много вместе работали. Он был большой фантазер. Он научил меня трансу. Поэтому каждый раз, когда я о чем-то задумываюсь, впадаю в транс, как будто этого никогда не видел.

Я ничего не писал кроме стихов, иногда. Давно уже не писал. А вообще творчество – это последовательность нескольких важных компонент: первая компонента (самая главная) –

ощущение, вторая компонента – возможность понимать свои ощущения, третья компонента – возможность описывать свои ощущения словами. При этом часто случается, что второй компонент нет вообще (некоторые опускают понимание и сразу могут описывать свои ощущения) или у кого-то она есть (и тогда они проходят и через понимание, и через описание этого понимания). И наконец, четвертая важная компонента – возможность описать так, чтобы другие ощутили то, что ты ощущаешь. Вот такая цепочка. Я, например, знаю абсолютно гениальных актеров, которых я разделяю на два класса: есть актеры глупые, но они гениальные, потому что они точно передают ощущение, а вот если с ними говоришь о чем-то еще, они никогда не объяснят, почему они так ощущают. А есть другие, которые описывают, как они это понимают... Так вот, Ланде смог не только мне все описать и объяснить, но и сделать так, что я все это начал ощущать.

И был третий учитель, он меня научил злу. Не то чтобы научил, а просто примерно показал, что такое подлость, предательство. Это случилось уже в совершенно зрелом возрасте, когда я уже стал заниматься бизнесом... Я не хочу называть его фамилию. Но тем не менее благодаря ему я и это тоже узнал.

Все мои Учителя – люди, которые меня научили Добру, – были намного старше меня. Только один, тот, который научил меня злу, был моего возраста.

Я всегда спрашивал себя, в чем смысл образования. Многие считают: в получении профессии, позволяющей хорошо зарабатывать. По-моему, образование помогает расширить сферу получения удовольствия. Я очень много времени в своей жизни учился, и я считаю, что главный смысл образования как раз состоит в том, чтобы расширить сферу получения удовольствия от жизни. Образование должно делать мир более интересным. Как сказал Эйнштейн, образование – это то, что ты не забыл после того, как забыл то, чему тебя учили. То есть образование есть то, что у тебя в крови. Так вот, у меня в крови осталась наука, которая называется «теория принятия решений». И во мне осталась насущная потребность классифицировать все, что я наблюдаю. Это происходит невольно. Вначале я задумался вот о чем: можно ли во всем нашем российском хаосе найти какие-то закономерности? К моему удивлению, я обнаружил, что все логично, последовательно, все происходит каноническим образом, как в любом историческом процессе.

Может быть, к несчастью для моих близких, у меня никогда не было выбора между работой и выходными – что в прошлом, что сегодня. Не знаю, хорошо это или плохо с чисто человеческой точки зрения, но абсолютно доминирующим приоритетом для меня всегда была моя работа. Это не значит, что я не помнил о своей семье. И помнил, и заботился, и забочусь. А выходных как не было, так и нет.

У меня в жизни никогда не было хобби. Вообще никогда. Все, чем я занимаюсь, – это и есть мое хобби. Вот я занимался наукой – это и было мое хобби. А что такое хобби? Ты приходишь на работу, тебе там не очень интересно, а пришел домой – занялся бабочками? А у меня в жизни никогда так не было. У меня никогда не было и слова «работа» – в смысле работать для того, чтобы заработать деньги, от звонка до звонка. У меня этого, к счастью, никогда не было. Поэтому то, чем я занимался в жизни, составляло мое хобби, любимое. Наукой я занимался двадцать с лишним лет, и это и было мое хобби, по восемнадцать, по двадцать часов в сутки.

Любая творческая работа – это предпринимательство. Я работаю только по одному принципу: высказываю свою систему аргументации, и, если она выше системы аргументации моих оппонентов, принимается решение, на котором я настаиваю. Если же оппонент меня убедит, то принимается другое решение. Я никогда не был критичен, я никогда не расстраивался, если где-то не удавалось зарабатывать больше, чем можно было заработать. Я никогда не переступал внутреннюю этику и внутреннюю мораль. Может быть, я и неприятен как раз именно поэтому, но абсолютно последователен в этом.

Я чист перед самим собой – и это главный критерий, которым я руководствовался, устраивая бизнес, устраивая политику. Я против своей совести нигде не пошел, против собственных убеждений не шел никогда, против собственной воли – тоже и поэтому абсолютно счастлив внутренне. Но ситуации, когда мои аргументы оказываются менее убедительными, чем аргументы оппонентов, случаются сплошь и рядом. В своем окружении, среди тех, с кем я общаюсь часто, я не замечал ни противостояния тому, что я делаю, ни зависти к успехам. Напротив, когда возникали трудности, когда одному невозможно было сопротивляться, я всегда находил поддержку.

Есть два типа людей: одни изначально относятся плохо, другие изначально относятся хорошо. Я всегда ко всем изначально отношусь хорошо. Мы хуже думаем о тех, кого больше знаем, и лучше – о тех, кто мало знаком, надеясь, что у них проявятся лучшие качества. Так уж устроены люди.

Я абсолютно незлопамятен. Меня часто в этом упрекают мои партнеры и, иногда, даже близкие. Я вообще не понимаю, что такое злая память. У меня просто отсутствует память на недобрые события в моей жизни. Мне можно переходить дорогу сколько угодно раз. Я черных кошек не боюсь. Я так и не научился разбираться в людях. Меня часто предавали, но я никогда не вел списка врагов или друзей. Всё это чисто генетически пришло от моей матери, в значительной степени перешло ко мне. Если вдуматься, то отсутствие чувства зависти и порождает отсутствие злой памяти. А то, что со мной было в жизни приятного, я помню очень долго. Я не считаю себя человеком рациональным. У меня мышление не аналитическое, у меня мышление интуитивное. Я человек эмоциональный и руководствуюсь ощущениями, а не просчетами ходов. Я действую в силу своего собственного представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Были события в моей жизни, когда мне очень хотелось заплакать. Но я не заплакал: самоконтроль.

Я никогда не скрывал своих взглядов. Я никогда не скрывал, что не боюсь ни травли, ни общественного мнения, если обратная сторона не пытается аргументировать свою позицию, а пытается только кричать о своей позиции. Единственное, что меня задевает реально, – это хамство. Вот хамство – это то, что я не терплю. Прежде всего когда при мне происходит хамство между кем-то – между вторым и третьим. Но я также реально болезненно отношусь к хамству по отношению к себе. Вот это то, что я не умею прощать.

Лживые слова ранят не меньше действий. Переживания могут быть страшнее физической боли. Я вообще весь мир воспринимаю только через чувства. У меня нет памяти на факты, у меня есть память на чувства. Я не понимаю чувств других людей. Я понимаю только, умный он или неумный. Но я не понимаю, предатель человек или нет. Любит или не любит. Больше того, я не хочу это выяснять, я не хочу тратить время на то, чтобы думать: доверять или не доверять людям. Потому что, даже если меня обманывают, я все равно считаю себя достаточно сильным, чтобы пережить этот обман. Я плохо разбираюсь в людях, поэтому не умею распознавать заранее, кто несет в себе подлость, предательство. Но постольку, поскольку я до сих пор еще не слишком старый и есть еще силы, меня это не слишком смущает.

Наверное, моя вина состоит в том, что я никогда не отвечал своим оппонентам, меня никогда не интересовало то, что обо мне думают другие, никому не пытался понравиться. Просто делал всегда то, что считал нужным, что интересно мне и важно для моей семьи. Я абсолютный эгоист в этом плане. Друзей у меня очень много, врагов – еще больше. За последнее время стало больше друзей, поскольку количество врагов таково, что практически исчерпан потенциал, откуда их число может еще множиться. Я вообще никогда не ставил себе цель, чтобы меня кто-то любил. Кроме, конечно, женщин, в которых я был влюблен. Меня абсолютно не волнует, например, что народ думает обо мне. Народ для меня – понятие абстрактное. А как любое абстрактное понятие, он не наделен никакими чувствами. Для меня значительно важ-

нее, что я сам думаю о себе и что думают обо мне моя мать, мои дети, моя жена, моя приятели, мои друзья. Это для меня принципиально.

Я считаю, что у меня есть судьба. Но это совсем не означает, что я претендую на предвидение. Я могу влететь на белом коне, могу потерять голову. Судьба – это же не результат. Судьба – это процесс. Судьба – это границы. Они могут быть уже, они могут быть шире. Вопрос, ощущаешь ты эти границы или нет. Я, например, знаю, что, если я чего-то очень хочу, я этого не получу до тех пор, пока не потрачу все свои силы для достижения этой цели и не пойму, и уже не хочу ее, этой цели. Тогда я ее получу. Один из параметров моей судьбы – что ничего в жизни не дается просто так. Меня не могут просто так наградить орденом. Вдруг объявили бы: Борис Николаевич принял решение, что вас наградят орденом. Никогда не поверю! Потому что это не моя судьба. Медаль – это не моя судьба. При жизни.

Вот у меня был такой случай, когда я очень хотел. Мы с товарищем как-то добивались одной цели, и вдруг мне сообщают, что все, цель достигнута, завтра можно подъехать и получить бумажечку. А я вдруг говорю: не дадут нам завтра бумажечку. Почему? Потому что я еще не перестал хотеть добиться этого. «Да брось ты!» – говорит товарищ. «Сто процентов!» А утром следующего дня я должен был лететь в Лондон. Это было давно. И вот я прилетаю в Лондон, а как раз была по времени разница. Только приземлился – мне звонят: к сожалению, пролетели. А потом еще два месяца борьбы, и цель снова была достигнута. Но мне этого уже абсолютно не хотелось. Вот это я называю судьбой. Не результат, а процесс.

Любовь

Единственный раз я оказался не готов к новости – когда ждал рождения второго ребенка. Жена убедила меня, что будет сын, а родилась девочка. Было очень глупое состояние. Правда, потом так обернулось, что Катя, моя вторая дочь, стала одним из самых близких для меня на свете людей. Теперь у меня шестеро детей. И это, конечно, главное в моей жизни, хотя я никогда серьезно не занимался их воспитанием. Я почти совсем не уделяю детям внимания. Жалею ли об этом? Трудно сказать. Видимо, то, что я делаю, представляет для меня большой интерес. Две мои старшие дочери, Лиза и Катя, отучившись поначалу в школе в России, три года прожили в Англии, окончили Кембридж. Одна – по специальности «экономика». Вторая училась по специальности «классика» – искусство, литература, философия. Поскольку девочки учились хорошо, их европейское образование стоило недорого – около десяти тысяч долларов в год.

Лиза занимается своим любимым делом – у нее трое сыновей. Они периодически живут в Москве, периодически – в Англии, иногда – во Франции. Мне кажется, что она вполне довольна своей семейной жизнью. Помимо этого, она еще раз в год делает что-то такое, что называет произведением искусства, которое почему-то покупают, в основном иностранцы. Устраивает выставки произведений в Москве.

Я очень люблю своих детей, но все-таки думаю, что и здесь я немножко испорченный человек, у меня нет зова крови, голоса крови. Не то чтобы совсем... Но, видимо, все-таки я понимаю, какая огромная структура была создана при моем непосредственном участии, и не считаю, что ответственность может наследоваться по родовому принципу. Ведь структура – это ответственность прежде всего. Поэтому я очень надеюсь, что мои дети осознают вот эту ответственность. Но они все-таки должны доказать свое право участвовать в управлении такой огромной системой.

Что касается любви, то я в другом, кроме состояния любви, не пребываю. И считаю, что любовь важнее всего в этой жизни. Все другое второстепенно, включая политику. Должен сказать, что ко всем своим женщинам я всегда относился очень серьезно. Может быть, даже слишком серьезно. Сравнительно недавно я узнал, что в народном языке не было понятия «любить». Его заменяли словом «жалеть». Не знаю, может, то, что я сейчас скажу, покажется неприятным или обидным кому-то из моих близких и любимых женщин, но я всегда их всех жалел. Конечно, это не значит, что жил с ними из жалости. Свои интересы в любви я всегда жестко отстаивал.

Любовь – это действительно важнейшая часть моей жизни. Был такой очень серьезный случай. Я только начал делать «ЛогоВАЗ» – и влюбился. Влюбился в Лену. И я на два года бросил все. Вот просто все. Мои партнеры, думаю, тогда больше всего на свете ненавидели Лену. И пока я не добился ее, не в вульгарном смысле – переспал, а не добился – в смысле, что она меня полюбила, – про все остальное не мог думать. Это самые сильные ощущения. По крайней мере, я ничего сильнее в жизни не испытывал.

Меня в жизни предавали, много предавали. Но меня никогда не предавали женщины, никогда. Думаю, что это по той причине, что женщины тоньше и последовательнее, женщины более консервативны. Когда кто-то из супругов идет в суд, я расцениваю это как предательство. Я не представляю ситуацию, когда одна из женщин, которая была мне близка, с которой я прожил много лет, может пойти в суд на меня с иском. Для себя я абсолютно исключаю такую возможность: у меня сохранились самые добрые отношения с теми женщинами, с которыми я жил много лет, и детьми. Я считаю, что я всегда оставался корректен. Не просто корректен формально, а со всеми у меня добрые, родственные, близкие отношения. Им, конечно, судить, какой я муж и отец.

Развод – это всегда трагедия. Здесь не обойтись без некоторой философии. Я всегда женился по любви и расходился, когда любовь заканчивалась. Я недавно задумался, как определить, что такое любовь. Не любовь между мужчиной и женщиной, а просто любовь к другому. Очень смешная получилась история. Оказалось, что любовь к другому – это высшая степень проявления эгоизма. А ведь что такое эгоизм – любовь к самому себе. То есть любовь к другому – высшее проявление любви к себе. И я могу подтвердить эту мысль отсылкой на Новый Завет: «Возлюби ближнего, как самого себя». Любовь к другому – высшая степень проявления любви к себе. Это общее определение.

А если говорить о частном определении, что такое любовь мужчины и женщины для меня, это не банальные ответы (самопожертвование, абсолютное согласие). Для меня любовь – когда только от одной мысли, что она мне изменяет, мне становится дурно. От одной мысли, подчеркиваю. И как только эта мысль меня не будоражит и ты допускаешь и спокоен при этом, – вот это означает, что любви уже нет. И такое, к сожалению, происходило в моей жизни, и я не пытался кривляться и разводился. И в общем очень рад, что до сих пор эти чувства я испытываю. А меня тяжело любить по многим причинам, главная из которых – то, что я фантастический эгоист.

Я очень боюсь неожиданных звонков, касающихся членов моей семьи. Больше всего меня тревожит, когда я либо получаю сообщение, либо звонок, либо секретарь передает, что срочно просит позвонить Лиза или Катя, – и я не знаю причины. Это тут же выбивает меня из колеи, и я осознаю, что дети для меня – самое главное. Все, что касается детей, – всегда приоритет. В этом я очень похож на свою мать. Она тоже всегда боялась, когда ей неожиданно звонили и выясняли что-то обо мне: она каждый раз думала, что со мной что-то случилось. Это, пожалуй, главное, чего я боюсь.

Еврейский вопрос

Мне было лет восемь. Мы сильно подрались с одним мальчиком на катке, и вдруг он сказал: «Уйди, Абрам». Я удивился: откуда он знает мое отчество? Потом я пришел домой, родители мне пытались объяснить, что есть русские, и есть евреи, и что я должен понимать, что те, кто не очень хорошо относится к евреям, не понимают, что все люди равны; и что мы все вместе живем в Советском Союзе, что у нас в стране очень мало таких людей, которые считают, что от того, какой ты национальности, что-то зависит... В общем, прочитали мне типично советскую лекцию, причем в полной убежденности, что всё обстоит именно так.

Я, например, в доме никогда не слышал, что русские плохие, а евреи хорошие. Более того, эта тема не то чтобы была табу, но реально она никогда не выделялась, были другие. Я уж не знаю, хорошо это или плохо, но я не получил никакого специального еврейского импульса в своей жизни. И может быть, это на самом деле мне очень помогло, потому что у меня в жизни, потом уже в более зрелом возрасте, было много ситуаций, когда я прекрасно понимал, что есть евреи, русские, есть татары, еще другие люди и положение их в Советском Союзе неравноправно. И я это ощущал на себе, но никогда не озлился по этому поводу. Я настолько был защищен от того, чтобы этому придавать значение, что это меня никогда не оскорбляло.

Очень много ФСБ писала: «Отец Березовского известный в России раввин». Как будто это ужасно. Я бы гордился, если бы он раввином был. Но он был строителем. Он прожил достаточно тяжелую жизнь, прошел через всё, через что проходил нормальный советский человек. Он прошел в том числе и через то, что доставалось евреям. С 1951 по 1953 год отец вообще не мог устроиться на работу, потому что был евреем. Я тогда впервые об этом услышал, но не очень понимал: что такое, все работают, а он не может, какие-то там проблемы... Семья жила за счет того, что работала бабушка, мать моей матери, она была русская. Но у меня все это не породило ни комплексов, ни злости. Я никогда, в отличие от многих моих товарищей, не пытался уезжать из России. Это моя страна ничуть не меньше, чем товарища Проханова.

Я всегда считал себя достаточно сильным человеком (даже подсознательно), чтобы вообще не придавать этому значение. Хотя были, конечно, в жизни совершенно обидные ситуации. Обидные реально. У меня в голове существовал запрет на профессию. Я никогда не испытывал еврейского комплекса, хотя сталкивался с явными проявлениями антисемитизма. Я поступал в Московский государственный университет на физфак. Мне говорили: «Не поступай, ты еврей, тебя не примут». Почему не примут? Я был чемпионом разных математических олимпиад. Мне поставили пятерку на письменном экзамене и двойку на устном экзамене по математике. Всяко может быть в жизни, но то, что я знаю математику не на двойку, – это точно. Я считал и сегодня считаю, что это было совершенно несправедливо. Мне было 16 лет, и, конечно, я страшно переживал по этому поводу. И даже опротестовывал это вместе со своим учителем. Мы ничего, конечно, не добились... Меня не приняли. Но были евреи, которых приняли. Моего товарища Женю Берковича приняли, значит, я оказался слабее тех, кого приняли. Я не относил это к «пятому пункту». Через месяц я поступил в другой институт, а потом, когда его уже окончил, все равно пошел в университет и поступил на мехмат. И как бы доказал себе, даже не то чтобы доказал себе, а просто мне хотелось знать больше математики, и я этого добился.

И позже я иногда чувствовал некоторое сопротивление, которое объяснял своим происхождением: при защите кандидатской, при переходе на работу в Институт проблем управления. При поступлении в партию: там было прописано, сколько ученых, рабочих, евреев. Но я был председателем Совета молодых ученых Института проблем управления и получил специальную квоту.

Вопрос в том, насколько я оказался чувствительным к этой проблеме. Конечно, здесь многое зависит и от моего воспитания, абсолютно космополитичного, и отчасти от моей психики. Я не озлобился и никогда не пытался трансформировать это в ответные действия. Несмотря на неоднократные в моей жизни попытки указать мне на место, я этого не воспринял. Не только не воспринял в детстве, но и не воспринял в сознательном возрасте. Я никогда не протестовал, не пытался бороться. Скорее всего, потому, что я конформист, предпочитаю не воевать с ветряными мельницами. Я все-таки считаю себя принадлежащим к русской культуре. И не считаю, что антисемитизм в России более развит, чем в других странах мира. Замечал специфическое отношение к евреям и в Европе, и в США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.